

1505 года, не видит поэтичности в борьбе и в подвиге героя: его Георгий — это простой рыцарь, сидящий на коне, повернутый спиной к зрителю; у ног коня распростерто издохшее чудовище.¹ Чтобы вернуть поэтичность сцене змеборства, Альтдорфер перенес ее под сень густолиственных деревьев.²

Итальянским мастерам Возрождения удавалось опоэтизировать самую борьбу Георгия. Они опирались на античные традиции, восходящие к стеле Декселея. В превосходном рельефе Донателло в Ор Сан Микеле передана и горячая схватка рыцаря со змием и, по контрасту к ней, испуг и мольба царевны о помощи.³ У Карпаччо подчеркнуто равенство наступающих друг на друга противников.⁴ В картине Рафаэля, созданной, видимо, под влиянием образов Леонардо, все выглядит так, будто изящный рыцарь торжествует над чудовищем не столько благодаря своей силе и ловкости, сколько благодаря своей обаятельности и юношеской прелести.⁵

В иконографии Георгия древнерусские памятники занимают особое место. В русских Георгиях нет такой безудержной удали, смелости и задора, как в средневековых рыцарях, но в них нет и следов себялюбия, эгоистичных искателей приключений (недаром самая мысль о том, что ценой победы Георгий завоюет руку прекрасной царевны, чужда русским легендам о Егории Храбром).⁶ Зато в русских изображениях Георгия сильнее выражено, что он вступает в бой как защитник справедливости во имя исполнения своего долга (по выражению позднейших былин — «ради дела повеленного, службы великой».)⁷ В русских изображениях Георгия змеборство передается не так осязательно и материально, как в искусстве Запада XV—XVI веков, менее подробно обстоятельства кровопролитной схватки, меньше психологических черточек в характеристике героя. Зато иносказательный язык нашей иконописи позволил древнерусским мастерам не ограничиться передачей лишь одной борьбы, но еще дать почувствовать, что в этой борьбе восторжествует герой. И поскольку в русских иконах самый образ бесстрашного витязя приобрел более широкое значение, чем то, которое ему придавала старинная легенда,⁸ древнерусские мастера сумели выразить в сущности очень простую, но прекрасную идею уверенности, что светлое, человеческое, справедливое начало не может не победить темные, враждебные человеку силы зла.

¹ W. Waetzold. Dürer und seine zeit. Königsberg, 1943, рис. 214.

² F. Burger, ук. соч., рис. 66.

³ L. Planiscig. Donatello, Wien, 1939, рис. 15, 16. Мотив мольбы царевны за Георгия уже в готическом миссале, в соборе св. Петра в Риме (О. Таубе, ук. соч., рис. 10).

⁴ W. Hausenstein. Carpaccio. Berlin—Leipzig, 1925, рис. 29, 32.

⁵ O. Fischel, Raffael Klassiker der Kunst, 1904, стр. 12, 29. О рисунке Леонардо на тему змеборства см.: А. Е. Popham. The Dragon Fight. В кн.: Leonardo Saggi e ricerche Roma, 1952, табл. CXIII (рисунок Британского музея).

⁶ Этот мотив награды есть уже в «Золотой легенде» Якопо де Вораджине (А. Рыстенко, ук. соч., стр. 148).

⁷ Б. Соколов. Былины. М., 1918, стр. 65.

⁸ А. Кирпичников (ук. соч., стр. 71, 110) приводит ряд аллегорических толкований змеборства Георгия. Чуждые отвлеченному надуманному аллегоризму древнерусские мастера сумели сделать наглядно осязательным в самой живописной ткани своих образов многие слагавшиеся веками представления о Георгии как о воплощении победоносной правды.